

Алексей Новиков

МИХАИЛ ГЛИНКА

Рождение музыканта

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Новиков, А.

Глинка: Рождение музыканта: Историко-биографический роман / Алексей Новиков. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 642 с.

ISBN 978-5-521-74635-4

«Рождение музыканта» — историко-биографический роман советского писателя, журналиста и драматурга Алексея Новикова о детстве и юности выдающегося русского композитора, родоначальника русской классической музыки М. И. Глинки. В романе использован ряд новых биографических материалов о М. И. Глинке: данные о событиях 1812 года, разыгравшихся на родине будущего автора оперы «Иван Сусанин».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74635-4

© Текст. А. Новиков,
наследники 2021

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

От автора

В романе использован ряд новых биографических материалов о М. И. Глинке: данные о событиях 1812 года, разыгравшихся на родине будущего автора оперы «Иван Сусанин», о декабристских связях Глинки и т. д. Автор считает долгом отметить, что в своей работе он воспользовался исследованиями музыковеда Е. И. Канн-Новиковой, лишь частично опубликованными в нашей музыкальной печати.

Kodens Jan Vancings,

M. Glinka

M. GLINKA.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бабушкин затвор

Глава первая

Кусты заколыхались, раздвинулись, и на дороге, тревожно озираясь, вышел молодой человек. Быстро шагая, он внимательно всматривался в даль, где мирно спала над озером господская усадьба села Шмакова. Прошли долгие минуты ожидания, и молодой человек снова скрылся в придорожном лесу.

Майское солнце, торопясь заглянуть в лес, поднималось все выше. Лучи пробились сквозь густую листву и заиграли на желтом кузове старинной кареты. Но даже солнечный луч не мог проникнуть в глубь таинственной кареты: шторы на ее окнах были наглухо задернуты.

Молодой человек вернулся к карете в полном смятении чувств и хотел было открыть дверцу, но передумал. Еще больше волнуясь, он снова вышел на дорогу, снова прислушался и стремительно бросился туда, где дорога круто заворачивала к Шмакову. Оттуда быстро шла девушка.

— Евгения! Наконец-то!

Молодой человек нежно обнял ее и увлек к карете. Помогая девушке взобраться на высокую подножку, он распахнул дверцу.

— И, мать моя! — раздался из полутьмы низкий голос. — Этак и царствие небесное проспаться можно. Неровен час — погоня; куда я с вами денусь!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Бабушкин затвор

Старая барыня поднялась с бархатного сиденья навстречу девушке и, едва молодой человек захлопнул дверцу, отдала кучеру команду:

— Гони, Прошка, гони!..

Кучер подобрал вожжи и, ловко выезжая на дорогу, молодецки свистнул. Из чащи выскочили конные люди и пустились за каретой вскачь, подымая клубы пыли.

Сидя в карете, девушка все еще не могла перевести дух, а молодой человек, держа ее руки, не находил от волнения нужных слов.

— Ну, рассказывай, — отрывисто бросила старая барыня, — как из дому ушла?

Девушка прижала руки к груди.

— Все исполнила так, как вы, Фёкла Александровна, приказали!

Карета застучала по мосту, и Фёкла Александровна высунулась в окно:

— В топоры его, руби!

У каждого мосточка, перекинутого через безвестную речушку или ручей, барыня приказывала дворовым:

— Разбирай переправу!..

Но чем дальше позади оставалось Шмаково, тем веселей поглядывала на юную пару новоспаская госпожа Фёкла Александровна Глинка. А молодой человек все еще держал руки милой невесты и сам не понимал, что с ним, где он.

— Если б я был сочинителем, Евгения...

— Ты, сочинитель! — перебила сына Фёкла Александровна. — Пора, сударь, в рассудок прийти. Кто тебя в таком беспамятстве венчать будет?

Навстречу карете уже выплыла из-за леса колокольня новоспасской церкви, а следом за ней появился барский дом.

Выходя у церкви из кареты, старуха дала, наконец, волю чувствам:

— Слава тебе, господи, благословила замысел царица небесная и погоню отвела! Не попустила осрамиться на старости лет...

МИХАИЛ ГЛИНКА
Рождение музыканта

Заранее предупрежденный, новопасский священник отец Иван спешно облачался в алтаре. Дьячок с непривычной быстротой зажигал лампы перед образами. На клиросе басовито откашливался старый пономарь, чтобы грянуть встречу невесте: «Гряди, голубица!..»

Фёкла Александровна стояла в церкви на привычном месте, на вытертом коврике, на котором стаивали отцы и деды владельцев Новопасского. Она молилась и любовалась своим младшим сыном Ванюшкой: «Что говорить, хорош!»

Рядом с Фёклой Александровной стоял сам владелец Новопасского, отставной секунд-майор Николай Алексеевич Глинка, тихий, незаметный старичок. Мелко крестится Николай Алексеевич, поглядывая на спутницу жизни, и дивится: давно ли он с Фёклой Александровной под венцом стоял, а глядь — Ивана венчают...

— Исая, ликуй! — запели на клиросе.

— Ликуй! — несмело подтянул секунд-майор. «А не раненько ли ликовать-то? Вон что придумала Фёкла Александровна: невесту похищением взяла, как в романе каком... Ну, да раз Фёкла Александровна решила, стало быть, так и надобно, иначе и быть не может».

Отец Иван, кончив обряд, говорил молодым наставительное слово, потом поздравил их, и нововенчанный муж поцеловал жену, ни от кого не таясь.

В тот ранний час в Шмакове еще спали крепким, сладким сном. Не любил шмаковский барин Афанасий Андреевич Глинка утреннего бдения. Иное дело вечера, когда тешился Афанасий Андреевич крепостной музыкой или домашним театром. Вот и вчера разыграли ему дворовые лицедеи преславную комедию «Невинная Юлия, или Щастливая любовь». Новопасская соседка Фёкла Александровна от театра отмахивается, за бесовский соблазн его считает, а ведь не утерпела, греховодница, и сама пожаловала и сына привезла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бабушкин затвор

А из-за него чуть было не разгорелась баталия между شماковскими и новоспасскими Глинками. Вздумала Фёкла Александровна сватать за сына Евгению Андреевну, любимую сестру Афанасия Андреевича, покойными родителями ему врученную. Благодарил он Фёклу Александровну за честь и на первый раз политично отказал. Нет, не за ельнинских медведей прочит он Евгению. Вот поедет Афанасий Андреевич в Санкт-Петербург или в Москву, снимется всем домом и выдаст Евгению Андреевну за фамильного дворянина, чтобы был при царском дворе известен и в чинах.

Однако ни в Санкт-Петербург, ни в Москву شماковскому барину как-то не ехалось. То лишних доходов нету, то подниматься неохота. А можно и повременить: Женюшке всего шестнадцатый пошел. Пусть девичьим счастьем тешится — куда торопиться?

Но Фёкла Александровна неотступно докучала:

— Ты сам, отец, посуди: мы — Глинки, вы — Глинки, все одного корня, хоть и дальнего родства. Отдашь Евгению за нас — и приданого тебе на сторону не отдавать: твои и наши земли к одному месту придут. Сочти-ка, Афанасий Андреевич, какой профит выходит! Ну, говори, батюшка, благословенное слово!

Но ничего не взяла с приступа Фёкла Александровна. За честь Афанасий Андреевич опять благодарил, а в согласии все-таки отказал. Впрочем, и старуха мало-помалу от своей затеи отступилась.

А вчера захлопотался с театром Афанасий Андреевич. Все беспокоился, как невинная Юлия, она же горничная Наташка, скажет свой главный монолог да как музыканты разыграют новую увертюру. Захлопотался Афанасий Андреевич и не заметил, как молодой новоспасский гость беседовал с Евгенией, а Фёкла Александровна глаз с них не спускала. Не слышал Афанасий Андреевич того, что сказывал Иван Николаевич невесте от матушкиного имени и как Евгения, вся затрепетав, едва слышно ответила: «Да!..»

МИХАИЛ ГЛИНКА
Рождение музыканта

Снятся Афанасию Андреевичу театры да увертюры. Сладко спит после вчерашних треволнений весь шмаковский дом. Только горничные девушки проснулись и перво-наперво постучались к барышне Евгении Андреевне в светелку. Барышня раньше господ встает, любит до чаю в озере искупаться. Постучали в светелку раз — тихо. Еще постучали — не слышать ответного барышнинного слова. Посмотрели горничные друг на дружку и открыли в светелку дверь:

— Батюшки-светы, ни души!

Побежали горничные к озеру. Тихо сонное озеро — рябью не подернет, а Евгении Андреевны нигде не видно. Только на росной траве барышнины чулочки и капот.

— Неужто водяной? Да где ему? Водяному только ночью время, а с солнышком ему в омут убраться...

Все кусты девушки обшарили, весь берег obeжали, на все стороны Евгению Андреевну кликали — не отозвалась.

Тогда собрали горничные барышнин туалет — и к дому.

— Буди барина!

А барский камердинер Григорий Васильевич застыл в дверях, что статуи.

— Буди барина, ты, француз!

А Григорий в позу встал, — театры, видать, никому даром не проходят, — и руку вверх поднял:

Прочь, подкрапивницы, не вам сюда стремиться,

Где даже и орлу предерзостно явиться!..

Подняли горничные крик:

— С барышней беда!

Понял Григорий: нешуточное дело. Пошел будить.

Вышел Афанасий Андреевич, прищурился на свет:

— Что случилось?